

Ева Леннартс

(Eva Lennartz) — докторант программы «Евразийские исследования» в Назарбаев Университете (Казахстан). Она занимается проблемами идентичности представителей поколения миллениалов и темой социальных трансформаций в Азербайджане и Казахстане, которые она исследует сквозь призму моды, семиотики и уличной фотографии.
eva.lennartz@nu.edu.kz

Цвет и длина

одежды в эпоху перемен: как менялась мода в постсоветском Азербайджане

Аннотация

Настоящая статья посвящена историческим истокам и современному состоянию дискуссий о черном цвете в одежде и допустимой длине платьев в азербайджанском обществе. Используя архивные материалы, данные полевых исследований и интервью, а также опираясь на визуальный анализ, автор исследует взаимоотношения между модными трендами и социально-экономическими и культурными процессами. Статья показывает, что популярность черной одежды и споры о длине платьев в постсоветском Азербайджане обусловлены уникальными социально-экономическими и культурными обстоятельствами, сложившимися

Статья впервые
опубликована
в журнале
Fashion Theory:
The Journal
of Dress,
Body & Culture
(опубл. онлайн
3 декабря 2024)

в 1990-х годах. Эта лиминальная и полная противоречий эпоха, ставшая переломной в новейшей истории страны, способствовала переосмыслению гендерных ролей и sartorialных норм. В условиях недостаточной на сегодняшний день изученности азербайджанской моды, автор, ориентируясь на социосемиотический этнографический подход, анализирует сложные взаимосвязи между выбором костюма и социальной динамикой.

Ключевые слова: Азербайджан; мода; лиминальность; постсоветский период.

Споры о черном цвете и длине одежды

Предпочтение, которое азербайджанцы отдают темному и особенно черному цвету в одежде, активно обсуждалось на медийных платформах и в социальных сетях. Заголовки вроде «Кошмарный черный: почему мы носим таинственный „цвет дьявола“?» или «Азербайджанские мужчины, кажется, стесняются одеваться стильно» вызвали широкий резонанс и привлекли внимание к этому любопытному феномену (AzadliqRadiosu 2015; Mirvari 2011). Во время обсуждения в социальной сети Facebook¹ один из комментаторов написал, что пристрастие азербайджанцев к черной одежде объясняется многолетним конфликтом Азербайджана с Арменией из-за Нагорного Карабаха: «Во время войны враг захватил наши земли, поэтому мы могли носить только черный цвет» (Huseynov 2021). В 2022 году, гуляя по зимнему Баку или рассматривая витрины магазинов, я сама с изумлением замечала, как много вокруг людей в черном.

Другая важная тема, которая затрагивается в дискуссиях о моде в Азербайджане, — это вопрос об уместной длине одежды. В августе 2015 года группа молодых азербайджанцев прошла маршем по центру Баку в шортах, протестуя против стереотипа, согласно которому ношение шорт считалось «аморальным» (Lomsadze 2015). В 2018 году в бакинском метро девушка в шортах столкнулась с агрессией и угрозами, и ее едва не избили (JAMnews 2018).

Эти факты и высказывания демонстрируют, что выбор цвета и длины одежды в некотором смысле проблематичен. Азербайджанская мода еще мало изучена, и в имеющихся работах почти не обсуждается вопрос о связи sartorialных предпочтений с социальными изменениями. Большая часть исследований посвящена хиджабу (Bashirov 2020; Heyat 2008; Najafizadeh 2012; Vazirova 2011). Вопрос о допустимой длине одежды затрагивается в работах Фариды Хейат, которая

изучала быт женщин в постсоветском Азербайджане. По ее словам, в 1990-х годах женщины в коротких юбках больше не вызывали удивления и не подвергались осуждению, хотя еще в 1992 году на улицах Баку такой наряд был редкостью (Неуат 2002: 168; Неуат 2006: 408; Неуат 2008: 367). Предполагается тем самым, что до конца советской эпохи азербайджанки нечасто надевали юбки или платья. Исследовательница пишет, что, по сравнению с нормами, принятыми в советском Азербайджане, стиль и поведение молодых женщин сильно изменились (Неуат 2002). Между тем моя подруга Сабина, азербайджанка, родившаяся в 1960-х годах и помнящая советские времена, усомнилась в достоверности этой информации: по ее словам, женщины в СССР точно носили короткие юбки и платья.

Следует учитывать, что цвет — это социальный феномен, который всегда следует рассматривать в контексте специфического времени и места. Например, в христианской традиции черный цвет часто ассоциируется с чем-то негативным и зловещим, хотя первоначально он имел скорее положительные коннотации. В Азербайджане этот цвет может восприниматься иначе. Так, в поэме Низами «Семь красавиц» (азерб.: *Yeddi Gözəl*) черный цвет символизирует переход от тьмы к просветлению: речь идет о встрече молодого воина Бахрама Гура с индийской принцессой Черного купола. В эпосе «Деде Коркут» (азерб.: *Dədə Qorqud*) черный — цвет траура. Название «Нагорный Карабах», которое переводится как «Черный сад», по-видимому, связано с идеей плодородия; в этом случае черный цвет ассоциируется с жизнью и природой — факт, переключающийся с наблюдениями Пастуро (Pastoureau 2009; Пастуро 2017).

Среди немногочисленных исследований, в которых рассматривается связь между социальными трансформациями и предпочтением черного цвета, можно выделить работу Дариевой. Она упоминает о том, что образованные русскоговорящие бакинцы считали сельских мигрантов, перебравшихся в столицу после Первой Карабахской войны и в период экономического кризиса 1990-х годов, людьми низкосортными и некультурными: эти люди были «вечно в черном... и... чрезмерно заросшие волосами» (Darieva 2011: 175). Их обзывали «чушками» (Darieva 2016)². Это оскорбительное прозвище было в ходу еще в советское время: так говорили о выходцах из деревни, переехавших в Баку. Горожане, щеголявшие рафинированными манерами и свободно владевшие русским языком, противопоставляли себя неквалифицированным рабочим, мигрантам из регионов, как правило, получившим образование на азербайджанском языке (Darieva 2011).

Локальные стереотипы, связанные с образом человека в черном, дополнительно подпитывались расовой маргинализацией, усилившейся в России в 1990-х годах. Тогда «черными» начали называть выходцев с Кавказа. Считалось, что «нерусские», включая жителей Кавказа и Центральной Азии, связаны с криминалом и ведут «темную» жизнь (Roman 2002). К расовой маргинализации добавлялась и религиозная: московские чиновники намеренно акцентировали внимание на мусульманской идентичности кавказцев и выходцев из Центральной Азии; смуглая кожа стала ассоциироваться с принадлежностью к исламу и с преступной деятельностью (Ibid.: 11).

Стереотипы, связанные с ношением черной одежды, заслуживают более пристального изучения. Могут ли имеющиеся на сегодняшний день немногочисленные исследования создавать неверное представление о популярности черного цвета в азербайджанской моде начиная с 1990-х годов, а также о проблемах, связанных с короткой одеждой? Существуют ли скрытые факторы, влияющие на этот сарториальный выбор и на споры о моде, которые по-прежнему недостаточно изучены? В своей статье я постараюсь рассмотреть эти вопросы подробнее.

Примечательно, что споры о цвете и длине одежды не утихают и остаются актуальными и по сей день — хотя сегодня, возможно, перемены воспринимаются с большей лояльностью; например, мужчины в шортах уже не вызывают такого осуждения. Учитывая долгую жизнь подобных дискуссий и их связь с духом (*zeitgeist*) 1990-х годов, я в настоящей статье использую исторический подход, чтобы исследовать социальный контекст, в котором эти вопросы возникли. Анализируя их исторические корни, я пытаюсь понять, что они значат для современного общества.

Я считаю, что изменения в моде и дебаты о допустимой длине одежды связаны с уникальным социально-экономическим и культурным контекстом 1990-х годов, с процессами, которые происходили в постсоветском Азербайджане. Этот лиминальный период в новейшей истории страны отличался амбивалентностью и подталкивал к переосмыслению гендерных ролей и сарториальных норм.

В частности, я постараюсь продемонстрировать, как ряд экономических, социальных и политических пертурбаций того времени повлиял на выбор людьми повседневной одежды. В своей работе я ориентируюсь на предшественников, рассматривавших моду как отражение социальных перемен, динамики классовых отношений и процессов формирования идентичности (Barthes 1990; Simmel 1957; Veblen 1994; Wilson 2003). Мода играет важную роль в конструировании и выражении индивидуальной и групповой идентичности; кроме

того, она способна ставить под сомнение и даже разрушать устоявшиеся социальные нормы, стимулируя перемены.

Моя статья построена следующим образом: сначала я опишу важные для меня концепции, принятые в области постсоветских исследований и анализа моды, а также объясню, как они определяют мою методологию. Затем, опираясь на фотоматериалы, я расскажу об особенностях азербайджанской моды в советский период. После этого я опишу ключевые социальные, политические и экономические трансформации, произошедшие в лиминальную эпоху, и продемонстрирую их связь с изменениями в сфере моды. И наконец, я намерена обратиться к семиотическому анализу черной одежды и критериев длины, что позволит перейти к выводам, представленным в заключении.

Продолжение и иллюстрации см. в печатной версии.